

Научная статья

УДК 811.161.3'374

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.08

УСТАРЕВШИЕ РУСИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Макаревич Александр ВасильевичБелорусский государственный университет,
Минск, Беларусьalyksandrmakarevich@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0003-0327-7008>

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что изучение устаревших русизмов помогает осмыслению общих законов развития современного белорусского языка, объясняет некоторые процессы формирования национального языка, выявляет динамику эволюции его словарного состава. Цель статьи — показать особенности адаптации устаревших русизмов в современном белорусском языке, дать их лексико-семантическую характеристику, изучить лексикографическое отображение некоторых устаревших русизмов. Материалом исследования служат устаревшие заимствования из русского языка, выявленные в словарях белорусского языка XX – начала XXI века. Дана лексико-семантическая характеристика устаревших русизмов. Показаны особенности их фиксирования словарями современного белорусского языка. В статье отмечается, что в белорусском языкознании существуют разные взгляды на статус помет *уст.* и *ист.* Был сделан вывод о том, что для обозначения устаревшей лексики (в том числе и историзмов как ее разновидности) в толковых словарях достаточно использовать помету *уст.* (устаревшее), отмечая соответствующую хронологическую характеристику слова в дефиниции. Автором предложены варианты для подачи отдельных устаревших русизмов в словарях белорусского языка.

Ключевые слова: устаревшая лексика, лексикография, русизм, семантика, адаптация, помета.

Для цитирования: Макаревич, А. В. (2023). Устаревшие русизмы в современном белорусском литературном языке. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 2(50), 94–104. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.08>

Original article

UDC 811.161.3'374

DOI: 10.25688/2076-913X.2023.50.2.08

OBSOLETE RUSSISMS IN THE MODERN BELARUSIAN LITERARY LANGUAGE

Alexander V. MakarevichBelarusian State University,
Minsk, Bielarusalyksandrmakarevich@yandex.by, <https://orcid.org/0000-0003-0327-7008>

Abstract. The relevance of this article lies in studying the obsolete Russisms which helps to further comprehend the general laws of the modern Belarusian language development, explains some of processes of the national language formation, and reveals the dynamics of the its vocabulary evolution.

The goal of the article is to identify the features of obsolete Russisms adaptation in the modern Belarusian language, to provide their lexical and semantic characteristics, to study the lexicographic display of some obsolete Russisms. The material of the study comprises obsolete borrowings from the Russian language, identified in the dictionaries of the Belarusian language of the 20th – early 21st centuries. The article reveals the lexical and semantic features of obsolete Russisms. There are patterns of them recorded in the modern Belarusian language dictionaries provided. It is noted that Belarusian linguistics emphasizes the different views on the status of the marks *obs.* and *hist.* It was concluded that to designate obsolete vocabulary (including historicisms as its variety), it is enough to use the mark *obs.* (obsolete), while marking the corresponding chronological characteristic of the word in the definition. The author suggests options for further presenting specific obsolete Russisms in the Belarusian language dictionaries.

Keywords: obsolete vocabulary, lexicography, Russism, semantics, adaptation, mark.

For citation: Makarevich, A. V. (2023). Obsolete russisms in the modern belarusian literary language. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2(50), 94–104. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.08>

Введение

В современном белорусском литературном языке определенную часть устаревшей заимствованной лексики составляют слова русского языка. Изучение таких слов (фонетической, морфологической адаптации в белорусском языке, изменения семантики и причин архаизации названий, отражения в словарях и т. п.) помогает дальнейшему осмыслению общих законов развития языка, объясняет некоторые процессы формирования белорусского национального языка, выявляет динамику эволюции его словарного состава.

Русизмы и русское влияние на белорусский язык на разных этапах его развития исследовали М. Булахов (Булахуў, 1958), И. Гапоненко (Гапоненка, 2012), Н. Круковский (Крукоўскі, 1958), А. Кулеш (Кулеш, 1994), А. Михневич (Міхневіч, 1990) и др. Отдельные ученые уделяют внимание и устаревшим заимствованиям из русского языка. Так, Е. Губкина, изучая особенности отображения дифференциации устаревших наименований лиц по роду занятий и характер их маркирования в словарях белорусского языка XX века, указывает, что некоторые названия лиц, в том числе русизмов (например, *акцызнік*, *арцельшчык*, *бабыль*, *балагол*), вышли из сферы активного употребления натуральным путем (Губкіна, 2012, с. 82). В белорусской терминологии философии и социологии к устаревшим русизмам М. Гуль относит следующие термины: *абишчына*, *батрак*, *кулак*, *самадзяржац*, *самадзяржаўе*, *саслоўе* и др. При этом термины *бакунізм*, *бакуніст*, *бальшавізм*, *ленінізм*, *народнік*, *славянафілы*, *славянафільства*, *талстоўства* классифицированы как русизмы на основании экстралингвистического критерия (например, рус. *бакунизм* образовано от фамилии основателя русского анархиста М. А. Бакунина) (Гуль, 2021, с. 132–133).

Цели статьи: выявить особенности адаптации устаревших русизмов в современном белорусском языке, дать их лексико-семантическую характеристику, указать способы словообразования, изучить лексикографическое отображение некоторых устаревших русизмов и предложить варианты их фиксации в словарях белорусского языка.

Методология исследования / Methodology

В статье для выявления фонетических, морфологических, словообразовательных, лексико-семантических особенностей устаревших русизмов в современном белорусском литературном языке используются следующие методы: описательный, сопоставительный, системного анализа.

Результаты исследования

Сегодня ученые соглашаются с наличием в современном языке устаревших слов, но среди лингвистов нет единого подхода к их критериям и квалификации. В связи с этим в научной литературе предлагаются различные определения *устаревшей лексики*. Приведем несколько толкований этого понятия. Энциклопедия «Беларуская мова» отмечает: «Устарэлыя словы – лексічныя адзінкі, якія выйшлі з актыўнага складу лексікі і зрэдку ўжываюцца ў сучаснай мове»¹ (Энцыклапедыя, 1994, с. 575). Авторы «Слоўніка лінгвістычных тэрмінаў» считают устаревшим слово, «якое выйшла з жывога ўжывання і ўспрымаецца як перажытак больш ранняга этапу ў развіцці мовы»² (Слоўнік, 1990, с. 157). По мнению В. Краснея, устаревшие названия — это «слова, якія выходзяць ці выйшлі з актыўнага ўжывання і ў наш час з’яўляюцца малавядомымі або і зусім невядомымі»³ (Красней, 2014, с. 82).

В настоящей статье мы придерживаемся определения понятия *устаревшая лексика*, предложенного В. Краснеем.

Многие ученые отмечают сложность выявления русизмов, в том числе и устаревших наименований, в белорусском языке из-за структурной похожести двух языков. Приметами русизмов можно считать формальные черты, связанные с церковнославянским языком (неполногласие и др.) (Шакун, 1995, с. 24). Анализируя русское лексическое влияние, Н. Круковский использовал критерий корня: некоторые слова по своему корню совпадают с соответствующим словом или корнем русского языка (Крукоўскі, 1958, с. 19). Так, в основе устаревших русизмов *абишчына*, *першабытна-абишчынны* находится русский корень **-обищ-**, который обладает большой продуктивностью в указанном языке.

Устаревшие лексические заимствования-русизмы в современном белорусском языке можно объединить в две большие группы: слова иностранного происхождения, заимствованные с помощью русского языка, и слова собственно русского происхождения. Большая часть из них — это слова иностранного происхождения, заимствованные через посредничество русского языка, например: *ардынарац* (рус. ординарец, от нем. *Ordonnanz*), *ворвань* (рус. ворвань, от ст.-шв. *narhval*), *губерня* (рус. губерния, от лат. *gubernare*), *кабура* (рус. кобура, от тюрк. *kubur*), *кібітка* (рус. кибитка, от татар. *kibit*), *казна* (рус. казна, от половецк. *hazna*), *лабаз* (рус. лабаз, от коми *lobos*), *мікада* (рус. микадо, от яп. *mi kado*), *рэціравацца* (рус. ретироваться, от фр. *se retirer*) и др.

¹ *Белорус.*: «Устаревшие слова — лексические единицы, которые вышли из активного состава лексики и изредка употребляются в современном языке».

² *Белорус.*: «которое вышло из живого употребления и воспринимается как пережиток более раннего этапа в развитии языка»

³ *Белорус.*: «слова, которые выходят или вышли из активного употребления и в настоящее время являются малоизвестными либо и совсем неизвестными»

Займствованные устаревшие наименования непосредственно из русского языка: *барын, барыня, бурлак, гасудар, камбед, правасхадзіцельства, сталынінчына, чырвонаармеец, чэкіст* и др. Уточним, что среди этих слов есть лексические единицы, которые являются заимствованиями из древнерусского языка, например *агнішчанін* (ст.-рус. огнищанинъ), *алтарнік* (ст.-рус. алтарникъ), *бадана* (ст.-рус. бадана, бодана), *байбэрак* (ст.-рус. баиберекъ, бамберекъ, банберекъ), *зіждзіцель* (ст.-рус. зиждитель, зижитель), *прастол* (ст.-рус. прѣстоль).

В современном белорусском языке выявлены следующие виды устаревших русизмов.

Морфолого-словообразовательные русизмы. Некоторые префиксы и суффиксы также указывают на русское происхождение устаревших слов, например *пра-* (*праабражэнцы, правасхадзіцельства*), *прад-* (*прадвясціць, прадвясчанне, прадраканне*), *са-* (*саслоўе, саслоўны*); **-цель** (*вешацель, засядацель, прадвадзіцель, прадвадзіцельства*). К собственно лексическим устаревшим русизмам (их большинство. — А. М.) в современном белорусском языке относятся слова *арцель, гасудар, гасударыня, дзекабрыст, жалаванне, калгас, калектывізацыя, палітрук* и др.

Устаревшие русизмы в абсолютном большинстве подчиняются законам белорусской фонетики. Это аканье и яканье: *айцец* (отец), *зярцала* (зерцало), *піянер* (пионер), *піянерскі* (пионерский), *шасцярык* (шестерик); дзеканье и цеканье: *абывацель* (обыватель), *акцябраты* (октябрюта), *будзёнаўка* (буденовка), *самадзержац* (самодержец), *палітадзел* (политотдел); твердость шипящих: *аракчэеўскі* (аракчеевский), *аракчэеўчына* (аракчеевщина), *казначэйства* (казночейство), *карнілаўчына* (корниловщина); переход [в], [л] в [ў]: *палітупраўленне* (политуправление), *стаханаўка* (стахановка), *фабзаўком* (фабзавком), *паўпрэд* (полпред), *паўпрэдства* (полпредство), *саўгас* (совхоз); долгие согласные: *прадпісанне* (предписание), *стацыя* (статья), *улажэнне* (уложение).

Морфологическая адаптация устаревших русизмов. Белорусский и русский языки являются близкородственными. Как русским, так и белорусским существительным присущи категории рода, числа, падежа, причем средства оформления этих категорий в языках характеризуются высокой степенью схожести. Устаревшие существительные-русизмы сохраняют свой род. Например, женский род: глаголица → *глаголіца*, кириллица → *кірыліца*, столыпинщина → *сталынінчына*; мужской род: большевик → *большавік*, буденновец → *будзёнавец*, политрук → *палітрук*; средний род: благородие → *благароддзе*, высокородие → *высакароддзе*, высокопревосходительство → *высокаправасхадзіцельства*. В отдельных случаях среди устаревших номинаций зафиксированы несоответствия в роде между языком-источником (русским) и языком-реципиентом (белорусским), например высочество (ср. р.) → *высокасць* (ж. р.).

В области словообразования важным показателем глубины усвоения слова служит его способность в той или иной степени вступать в словообразовательные отношения, что характерно и для устаревших русизмов, особенно безэквивалентных: *большавік* – *большавічка, большавіцкі, барын* – *барыня, барынька, нэп* – *нэпман, нэпманскі, стража* – *стражник*.

Устаревшие русские единицы употребляются как дублеты белорусских лексем, что обозначают одно и то же понятие: *воран* – рабунак, *зіждзіцель* – стваральнік, заснавальнік, *сядзельнічы* – сядзельнік и др. Некоторые устаревшие русизмы зафиксированы в отрыве от словообразовательной парадигмы как пассивные дублеты собственно белорусских слов (Ламеко, 1985, с. 121), причем белорусский эквивалент таких лексем обязательно имеет производные: *крэпасніцтва* (*прыгон, прыгонніцтва, прыгонны*), *пісец* (*пісар, пісарскі, пісарчук*).

В современном белорусском литературном языке основной словообразовательный тип калек с русского языка — это *кальки, структурно повторяющие мотивированность калькируемого объекта*, например: *аднаасобнік* (единоличник), *аднаасобніца* (единоличница), *аднаасобніцтва* (единоличничество), *душапрыказчык* (душеприказчик), *мясцакам* (местком), *працадзень* (трудодень), *харчпатак* (продналог), *хлебапастаўкі* (хлебопоставки), *галоўная кватэра* (главная квартира) и др.

Полукальки. Образуются путем сочетания самых разных видов словообразовательных основ, например: существительное + существительное: *казнасховішча* (казнохранилище), *хата-чытальня* (изба-читальня); существительное + глагол: *богабаязны* (богобоязненный), *богазневажальны* (богохульный). Аналогичную сочетаемость с разными словообразующими основами проявляют и другие самостоятельные части речи, такие как имя прилагательное, числительное: *белагвардзеец*, *белапаліцыя*; *васьміпудовы*, *дзсяцігодка*, *сямігодка* и др.

Основой для возникновения полукалек также служат и устаревшие аббревиатуры русского языка разных типов (сложносокращенные слова, инициальные аббревиатуры, разные виды усечений). К сложносокращенным словам можно отнести устаревшие русизмы *губвыканком*, *лікпункт*, *пампаліт*, *паўпрэдства*, *рабфак*, *фабзавуч*, *фабком*. Инициальными аббревиатурами являются следующие устаревшие русизмы: *нэп* (новая эканамічная палітыка), *СНК* (Совет Народных Камісараў), *СПА* (Совет Працы і Абароны), *УЦВК* (Усерасійскі Цэнтральны Выканаўчы Камітэт), *ЧК* (Надзвычайная камісія па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам) и др.

Сложносокращенные устаревшие русизмы смешанного типа образуются сочетанием разных типов аббревиатур. Среди них можно выделить несколько разновидностей.

1. Слова, образованные из фрагмента и контрактуры: *наркамат* — народны камісарыят, *нарком* — народны камісар, *паўпрэд* — паўнамоцны прадстаўнік, *паўпрэдства* — паўнамоцнае прадстаўніцтва, *эсмінец* — эскадронны мінаносец и др.

2. Слова, образованные из фрагмента и инициальной аббревиатуры: *жакт* — жыллёва-арэнднае кааператыўнае таварыства (жилищно-арендное кооперативное общество) (добавила перевод) (единично).

Тематическая соотнесенность устаревших русизмов достаточно разнообразная. Это лексемы, которые обозначают профессионально-производственные понятия (*арцель*, *бурлак*, *бурлацтва*, *белашвейка* и др.). Слова из самых разных сфер деятельности человека: общественно-политической (*аракчэвец*, *губернатар*, *губерня*, *земства*, *лішэнец*, *трацкізм*), социально-экономической (*ахранка*, *кабала*, *нядоімка*, *працадзень*, *стацкі*, *ясак*⁴). К устаревшей военной лексике относятся наименования *адміралцейства*, *дзянічык*, *кабура*, *ківер*, *палітрук*, *чырвонаармеец* и др. Часть русизмов употребляется для обозначения реалий старого русского быта (*адрас-каляндар*, *гудок*, *гудошнік*, *дамастрой*, *какошнік*, *керагаз*, *кітайка*, *фініфць*, *церам*⁵), устаревших форм официального обращения (*высокаблагароддзе*, *высокаправадзіцельства*, *высокароддзе*, *усепадданейшы*), устаревших мер веса, длины, объема и т. п. (*аршин*, *дзсяціна*, *пуд*, *сажань*, *шасцярык*⁶). (шестерик)

⁴ Натуральный налог в Русском государстве, который собирали в пользу казны с народов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

⁵ Белорус.: терем

⁶ Белорус.: шестерик

В словарях современного белорусского языка устарелость слов, в том числе и русизмов, обозначается специальными пометами *уст.* (устарелое) и *ист.* (историзм), либо путем указания на время и место активного использования слова: «даўней на Беларусі», «у дарэвалюцыйнай Расіі», «у Старажытнай Русі», «у Расіі XIX ст.» и т. п. Отметим, что в белорусском языкознании статус помет *уст.* и *ист.* определяется по-разному. Одни считают, что пометы являются стилистическими (Давыдава, 2017), другие подчеркивают их хронологический характер (Шавель, 2010). По мнению Д. Дятко, пометы *уст.* и *ист.* нужно рассматривать как функционально-стилистические (Дзядко, 2016).

В большинстве случаев устаревшие русизмы имеют одинаковое лексикографическое отображение. Однако семантика некоторых единиц, а также сопровождение их соответствующими пометами (*уст.* или *ист.*) определяется по-разному. Приведем несколько таких примеров.

Впервые лексема *граданачальнік* фиксируется словарями современного белорусского языка 1920-х годов без указаний на устарелость. Например, Н. Байков и С. Некрашевич в РБС-28⁷ (с. 86) отмечают: *градоначальнік* — начальнік гораду (места), бурмістар (*устар.*). Примерно с середины XX века в белорусском языке слово *граданачальнік* стало рассматриваться как устаревшее. Так, авторы РБС-53 маркируют его пометой *уст.*, при этом лексему *градоначальства* оставляют без всяких помет (РБС-53, с. 102). ТСБМ отмечает наименование как историзм и его семантику определяет следующим образом: *граданачальнік* «у дарэвалюцыйнай Расіі — начальнік, які кіраваў граданачальніцтвам (у 1 знач.) і меў правы губернатара»⁸ (ТСБМ, т. 2, с. 74). С пометой *ист.* слово *граданачальнік* и производные **граданачальніцтва**, **градоначальства** подаются в СБМ-87. Составители ТСБЛМ-96 приводят наиболее полное толкование устаревшего русизма *граданачальнік*: «у Расіі XIX ст.: начальнік з правамі губернатара, які кіраваў горадам, што быў вылучаны з губернскага падпарадкавання ў асобную адміністрацыйную адзінку»⁹ (ТСБЛМ-96, с. 196). Ф. Пискунов в ВСБМ лексему *граданачальнік* считает устаревшей и, соответственно, маркирует ее пометой *уст.* (ВСБМ-96, с. 240).

Согласно СІСБ, слово *губерня* заимствовано из латинского языка через русский язык (СІСБ, т. 1, с. 407). Впервые к устаревшей лексике отнесли наименования *губерня* и *губернатар* авторы РБС-37, снабдив их пометой *уст.* Как историческое (помета *ист.*) рассматривается русизм *губерня* в РБС-53 (РБС-53, с. 105). БРС-62 фиксирует слова *губерня*, *губернатар* без всяких помет. Русизм *губерня* авторами ТСБМ трактуется следующим образом: «асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў дарэвалюцыйнай Расіі з пачатку XVIII ст. і ў СССР да 1924–29 гг. // *уст.* губернскі горад»¹⁰ (ТСБМ, т. 2, с. 91). Составители СБМ-87 фиксируют русизм без всяких помет, тем самым относя его к разряду активной лексики современного белорусского языка.

⁷ РБС-28 — Байкоў, М., & Некрашэвіч, С. (1928). *Расійска-беларускі слоўнік*. Дзярвыд Беларусі. В дальнейшем названия словарей приводятся сокращенно. Список условных сокращений см. в конце статьи.

⁸ *Белорус.*: «в дореволюционной России — начальник, который управлял градоначальством (в 1-м знач.) и имел права губернатара»

⁹ *Белорус.*: «в России XIX в.: начальник с правами губернатара, управлял городом, который был выделен из губернского подчинения в отдельную административную единицу»

¹⁰ *Белорус.*: «основная административно-территориальная единица в дореволюционной России с начала XVIII в. и в СССР до 1924–1929 гг. // *уст.* губернский город»

Наиболее полное толкование наименования дал А. Булыко в СІСБ: «*губерня* — асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Расіі (з 1708 г.) і ў СССР да 1929 г.» (СІСБ, т. 1, с. 407). Авторы ТСБЛМ-96 изменили семантику наименования *губерня*: «асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Расіі з пачатку XVIII ст.» (ТСБЛМ-96, с. 160). В ТСБЛМ-2016 дается общее толкование лексической единицы, без хронологических указаний активного употребления слова: «*губерня* — асноўная адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка ў Расіі ў розныя часы» (ТСБЛМ-2016, с. 201).

Подчеркнем, что в последнее время в Республике Беларусь активизировалось употребление устаревшего слова *губернатор*, производного от *губерня*. Его иногда используют, например, средства массовой информации, в качестве синонима к названию должности *председатель облисполкома* (областного исполнительного комитета). На наш взгляд, и *губерня*, и *губернатор* являются устаревшими словами современного белорусского языка и деархаизировать (возрождать) их нецелесообразно.

К военной лексике относится устаревшее слово *дзяниччык* (денщик). Впервые оно без всяких помет фиксируется лексикографическими источниками современного белорусского языка 1920-х годов. Авторы и РБС-37, и БРС-62 русизм *дзяниччык* рассматривают как дореволюционное слово (помета *дореволюц.*). Употребление пометы *дореволюц.* (дореволюционное) в словарях современного белорусского языка — яркое проявление идеологических установок лексикографов. По сути, помета *дореволюц.* со значением 'не характерное, которое не соответствует советскому образу жизни' является синонимом пометы *уст.*, поэтому применять ее для обозначения устаревших единиц в современных лексикографических источниках не стоит.

Наименование *дзяниччык* промаркировано пометой *уст.* в РБС-53, СБМ-87, БРС-88. По-разному отмечается лексема в толковых словарях современного белорусского языка. Без всяких помет русизм фиксируется в ТСБМ: *дзяниччык* «салдат у царскай арміі, прыстаўлены да афіцэра ў якасці прыслугі»¹¹ (ТСБМ, т. 2, с. 181). Такую же семантику наименованию дают составители ТСБЛМ-96, сопровождая его пометой *уст.* Авторы ТСБЛМ-2016 лексему *дзяниччык* обозначили пометой *ист.*

Со второй половины XX века в словарях современного белорусского языка аббревиатура *нэп* обозначается как устаревшее наименование. Русизм *нэп* и производные *нэпаўскі*, *нэпман* отмечены пометой *ист.*, например, в БРС-53, БРС-62, СБМ-87 и др. Исходя из советских реалий, авторы ТСБМ поясняют: *нэп* — «новая эканамічная палітыка, прынятая ў 1921 г. на X з'ездзе Камуністычнай партыі» (ТСБМ, т. 3, с. 421). В ТСБЛМ-96 семантика русизма уточняется: *нэп* — «скарачэнне: новая эканамічная палітыка, якая праводзілася Савецкай дзяржавай з 1921 да канца 20-х гадоў з мэтай пераадолення разрухі, адраджэння народнай гаспадаркі пры часовым дапушчэнні капіталістычных элементаў, аднак пры захаванні камандных вышынь у руках пралетарскай дзяржавы»¹² (ТСБЛМ-96, с. 394). Наиболее полное толкование лексемы *нэп* дают составители ТСБЛМ-2016, уточнив и период проводимой экономической политики в СССР: *нэп* — «скарачэнне: новая эканамічная палітыка, якая праводзілася савецкай дзяржавай у 1921–1928 гг. з мэтай пераадолення разрухі, адраджэння

¹¹ *Белорус.*: «солдат царской армии, приставленный к офицеру в качестве слуги»

¹² *Белорус.*: «нэп — сокращение: новая экономическая политика, которая проводилась Советским государством с 1921 до конца 20-х годов с целью преодоления разрухи, возрождения народного хозяйства при временном использовании капиталистических элементов, однако при сохранении командных высот в руках пролетарского государства»

народнай гаспадаркі пры часовым дапушчэнні капіталістычных элементаў, аднак пры захаванні камандных вышынь у руках пралетарскай дзяржавы»¹³ (ТСБЛІМ-2016, с. 493). Также имеются различия в семантике, указании хронологических характеристик, в сопровождении соответствующими пометами (*уст.* или *ист.*) в словарях современного белорусского языка таких устаревших русизмов, как *дваранства*, *казна*, *прадвядзіцель*, *самадзержац*, *серадняк*, *стаханавец*, *стражнік* и др.

Заклучение

Таким образом, проанализированный фактический материал позволяет сделать некоторые выводы.

1. Устаревшие русизмы являются неотъемлемой частью устаревшей лексики современного белорусского языка, отображая различные реалии жизни общества в прошлом: политику, социально-экономические отношения, культуру, быт и т. п. (*губернатар*, *губерня*, *гудок*, *земства*, *какошнік*, *працадзень*, *сталынішчына* и др.).

2. В абсолютном большинстве заимствованные из русского языка лексемы подчиняются законам белорусской фонетики и морфологии. В современном белорусском литературном языке выделяются следующие виды устаревших русизмов: фонетические, морфолого-словообразовательные, лексические.

3. Для обозначения устаревшей лексики (в том числе и историзмов как ее разновидности) в толковых словарях белорусского языка достаточно приводить помету *уст.* (устаревшее), отмечая соответствующую хронологическую характеристику слова в дефиниции. Применять помету *ист.* для обозначения историзмов, встречающихся в литературе, которая имеет отношение к фактам истории, нецелесообразно. В современном белорусском языкознании пометы *уст.* и *ист.* рассматривать как функционально-стилистические.

4. Некоторая часть устаревших русизмов имеет различия в семантике, определении времени и места активного использования слов, в их лексикографическом отображении. Автором предлагается вариант для подачи таких заимствований в словарях современного белорусского литературного языка.

Условные сокращения

БРС-62 — *Белорусско-русский словарь*. (1962). (Под ред. К. Крапивы). Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.

БРС-88 — *Беларуска-рускі слоўнік*: у 2 т. (1988). БелСЭ.

ВСБМ — Піскуноў, Ф. А. (2012). *Вялікі слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія, акцэнтацыя, парадыматыка каля 223 тысяч слоў*. Зміцер Колас.

РБС-28 — Байкоў, М., Некрашэвіч, С. *Расійска-беларускі слоўнік*. (1928). Дзярвыд Беларусі.

РБС-37 — *Руска-беларускі слоўнік*. (1937). (Пад рэд. А. Александровіча). Выдавецтва АН БССР.

¹³ *Белорус.*: «нэп — сокращение: новая экономическая политика, которая проводилась Советским государством в 1921–1928 гг. с целью преодоления разрухи, возрождения народного хозяйства при временном использовании капиталистических элементов, однако при сохранении командных высот в руках пролетарского государства»

- РБС-53 — *Русско-белорусский словарь*. (1953). Гос. изд-во иностр. и нац. словарей.
 СБМ-87 — *Слоўнік беларускай мовы*: Арфаэзія. Акцэнтацыя. Словазмяненне. (1987). (Пад рэд. М. В. Бірылы). БелСЭ.
 СІСБ — Булыка, А. М. (1999). *Слоўнік інішамоўных слоў*: у 2 т. БелЭн.
 ТСБМ — *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. (1977–1984): у 5 т., 6 кн. (Пад рэд. К. К. Атраховіча). Беларус. Сав. Энцыклапедыя.
 ТСБЛМ-96 — *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. (1996). (Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко). БелЭн.
 ТСБЛМ-2016 — *Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы*. (2016). (Пад рэд. І. Л. Капылова). Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі.

Abbreviations

- BRS-62 — *Belarusian-Russian dictionary*. (1962). (Edited by К. Крайву). Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej.
 BRS-88 — *Belarusian-Russian dictionary*: in 2 vol. (1988). BelSJe.
 VSBM — Piskunow, F. A. (2012). *The Great Dictionary of the Belarusian Language: Spelling, accentuation, paradigmatic of about 223 thousand words*. Zmicer Kolas.
 RBS-28 — Bajkow, M., & Nekrashjevich, S. *The Russian-Belarusian dictionary*. (1928). Dzjarvyd Belarusi.
 RBS-37 — *The Russian-Belarusian dictionary*. (Edited by A. Aleksandroviča). Vydavectva Akadzemii navuk BSSR.
 RBS-53 — *The Russian-Belarusian dictionary*. (1953). Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej.
 SBM-87 — *The Dictionary of the Belarusian language: Orthoepe. Accentuation. Word formation*. (1987). (Edited by M. V. Biryly). BelSJe.
 SISB — Bulyka, A. M. (1999). *The Dictionary of Foreign Words*: in 2 vol. BelJen.
 TSBM — *The Explanatory Dictionary of the Belarusian Language*. (1977–1984): in 5 vol. 6 books. (Edited by K. K. Atrahovicha). Belarus. Sav. Jencyklapedyja.
 TSBLM-96 — *The Explanatory Dictionary of the Belarusian Literary Language*. (1996). (Edited by M. R. Sudnika, M. N. Krywko). BelJen.
 TSBLM-2016 — *The Explanatory Dictionary of the Belarusian Literary Language*. (2016). (Edited by I. L. Kapylova). Belaruskaja Jencyklapedyja imja Petrusja Browki.

Список источников

1. Булахаў, М. Г. (1958). *Развіццё беларускай літаратурнай мовы ў XIX–XX стст. ва ўзаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі*. Выдавецтва АН БССР.
2. Гапоненка, І. А. (2012). *Лексіка беларускай літаратурнай мовы XIX — пачатку XX ст.: асаблівасці станаўлення і развіцця*. БДУ.
3. Крукоўскі, Н. І. (1958). *Рускі лексічны ўплыў на сучасную беларускую літаратурную мову*. Выдавецтва АН БССР.
4. Кулеш, Г. І. (1994). Папайненне беларускай лексікі шляхам запазычвання. *Веснік. БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Псіхалогія*, 2, 41–44.
5. Міхневіч, А. Я., & Гіруцкі, А. А. (1990). *Вазьмі маё слова...: нататкі аб лексічным узаемаўплыве беларускай і рускай моў у кантэксце ўзаемадзеяння культур*. Навука і тэхніка.
6. Губкіна, А. В. (2012). *Лексікалогія і лексікаграфія беларускай мовы XX ст.: сацыялінгвістычны аспект*. БДУ.
7. Гуль, М. У. (2021). *Інішамоўная лексіка ў працэсе станаўлення і развіцця беларускай тэрміналогіі (на матэрыяле тэрмінасістэм філалогіі, філасофіі і сацыялогіі)*. БрДУ.
8. *Беларуская мова*: энцыклапедыя. (1994). (Пад рэд. А. Я. Міхневіча). Б. І. Сачанка (гал. рэд.). БелЭн.

9. Сцяцко, П. У., Гуліцкі, М. Ф., & Антанюк, Л. А. (1990). *Слоўнік лінгвістычных тэрмінаў*. Вышэйшая школа.
10. Красней, В. П. (2014). *Беларуская мова: дапаможнік-рэпетытар для падрыхтоўкі да цэнтралізаванага тэсціравання*. Аверсэв.
11. Шакун, Л. М. (1995). «Усходнія» і «заходнія» крыніцы папаўнення лексічных сродкаў беларускай мовы. *Веснік БДУ. Серыя 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*, 2, 22–26.
12. Ламеко, В. Б. (1985). Русские лексические заимствования в белорусской литературе второй половины XX в. *Региональные особенности восточнославянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения*: в 2 ч. Ч. 1: тезисы докладов и сообщений III Республиканской конференции, 119–121.
13. Давыдава, Л. В. (2017). 3 гісторыі стылістычных памет у беларускай лексікаграфіі. *Научная конференция студентов и аспирантов: сборник работ 74-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета*, 15–24 мая, 2017. БГУ, 40–43.
14. Шавель, В. М. (2010). Стылістычная характарыстыка ўстарэлай лексікі ў беларускіх слоўніках. *Весці БДПУ. Серыя 1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія*, 4, 80–85.
15. Дзятко, Д. (2016). Лексікаграфія як раздзел мовазнаўства. *Роднае слова*, 8, 34–37.

References

1. Bulahaŭ, M. G. (1958). *The development of the Belarusian literary language in the XIX–XX centuries. in relation to other Slavic languages*. Vyd-va AN BSSR. (In Bel.).
2. Gaponenka, I. A. (2012). *The Vocabulary of the Belarusian literary language of the 19th – early 20th centuries: features of formation and development*. BDU. (In Bel.).
3. Krukoŭski, N. I. (1958). *Russian lexical influence on the modern Belarusian literary language*. Vyd-va AN BSSR. (In Bel.).
4. Kulesh, G. I. (1994). Replenishment of Belarusian vocabulary by borrowing. *Vesn. BDU. Series 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika. Psihalogiya*, 2, 41–44. (In Bel.).
5. Mihnevich, A. Ya., & Giruzki, A. A. (1990). *Take my word...: notes on the lexical interaction of the Belarusian and Russian languages in the context of the interaction of cultures*. Navuka i tekhnika. (In Bel.).
6. Gubkina, A. V. (2012). *Lexicology and lexicography of the Belarusian language of the 20th century: sociolinguistic aspect*. BDU. (In Bel.).
7. Gul', M. U. (2021). *Foreign language vocabulary in the process of formation and development of Belarusian terminology (based on the material of terminological systems of philology, philosophy and sociology)*; M-va adukacyi Resp. Belarus', Bresck. dzyarzh. un-t im. A. S. Pushkina. BrDU. (In Bel.).
8. *The Belarusian language: Encyclopedia*. (1994). (Ed. by A. Ja. Mihnevicha). B. I. Sachanka (editor-in-chief). BelJen. (In Bel.).
9. Scjacko P. U., Gulicki M. F., & Antanjuk, L. A. (1990). *The Dictionary of Linguistic Terms*. Vyshhejskaja shkola. (In Bel.).
10. Krasnej, V. P. (2014). *The Belarusian language: a tutor's guide to prepare for centralized testing*. Aversjev. (In Bel.).
11. Shakun, L. M. (1995). «Eastern» and «western» sources of replenishment of lexical resources of the Belarusian language *Vesn. BDU. Series 4. Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika*, 2, 22–26. (In Bel.).
12. Lameko, V. B. (1985). Russian lexical borrowings in Belarusian literature of the second half of the 20th century. *Regional peculiarities of East Slavic languages, literatures, folklore and methods of their study*: in 2 parts. Part 1: abstracts of reports and messages of the III Republican Conference, 119–121. (In Bel.).
13. Davydava, L. V. (2017). From the history of stylistic marks in Belarusian lexicography. *Scientific Conference of students and postgraduates: collection of papers of the 74th Scientific Conference*

of Students and postgraduates of the Belarusian State University, May 15–24, 2017. BSU, 40–43. (In Bel.).

14. Shavel', V. M. (2010). Stylistic characteristics of obsolete vocabulary in Belarusian dictionaries. *Vesci BDPU. Series 1. Pedagogika. Psihologiia. Filalogiya* 4, 80–85. (In Bel.).

15. Dzyatko, D. (2016). Lexicography as a branch of linguistics. *Rodnae slova*, 8, 34–37. (In Bel.).

Информация об авторе

Александр Васильевич Макаревич — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры белорусского языковедения Белорусского государственного университета.

Information about the author

Alexander V. Makarevich — PhD (Philology), Docent, Associate Professor; Doctoral Student of the Belarusian Linguistics Department, Belarusian State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.